

УДК 821. 161. 1-1 Седакова. 09

М. Э. Звегинцова*Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина***Концепт «лицо» в лирике О. Седаковой**

Звегинцова М. Е. Концепт «обличчя» («лицо») у ліриці О. Седакової. У статті досліджуються особливості функціонування концепту «обличчя» («лицо») в книзі «Вірші» («Стихи») О. Седакової. У ході дослідження було виявлено сильні та слабкі валентності концепту «обличчя» по відношенню до інших концептних та мотивних категорій лірики О. Седакової. Розглянуто основні приклади експлікації досліджуваного концепту. Зроблено висновки про те, що функціонально концепт «обличчя» зорієнтовано на формування та ускладнювання розповідасмого світу. Основним модусом, що задає інтерпретацію категорії «обличчя», слід вважати біблійно-християнський дискурс.

Ключові слова: *концепт, концептний словник, мотив, метатекст.*

Звегинцова М. Э. Концепт «лицо» в лирике О. Седаковой. В статье исследуются особенности функционирования концепта «лицо» в книге «Стихи» О. Седаковой. В ходе исследования выявлены сильные и слабые валентности концепта «лицо» по отношению к другим концептным и мотивным категориям лирики О. Седаковой. Рассмотрены основные примеры экспликации исследуемого концепта. Сделаны выводы о том, что функционально концепт «лицо» ориентирован на формирование и усложнение структуры повествуемого мира. Основным модусом, задающим интерпретацию категории «лицо», следует считать библейско-христианский дискурс.

Ключевые слова: *концепт, концептный словарь, мотив, метатекст.*

Zvegintsova M. E. The concept of face in O. Sedakova's lyric poetry. The article explores the characteristic functioning of the concept of face in «Lyric Poetry» by O. Sedakova. The analysis revealed the strong and the weak valencies of the concept of face with respect to the other conceptual and motif categories in O. Sedakova's lyric poetry. It is concluded that the concept of face is functionally oriented at the formation and complication of the narrated world. The biblical-Christian discourse should be considered the basic mode that specifies the interpretation of the concept of face.

Keywords: *concept, concept vocabulary, motif, metatext.*

Исследование литературы, связанной с темой предлагаемой статьи, позволяет сделать вывод об отсутствии системного анализа концептного словаря лирики О. Седаковой. Последовательного исследовательского обращения к концепту «лицо» также не обнаружено.

Задача данной статьи заключается в раскрытии аспекта исследования, посвященного словарю концептов лирики О. Седаковой. Объектом анализа является специфика экспликации концептной категории «лицо», предметом анализа — весь поэтический сборник «Стихи» О. Седаковой, рассматриваемый как единый текст (метатекст).

Как на уровне мотивной, так и на уровне концептной семантики лирики О. Седаковой наиболее существенным представляется принцип дихотомии. Большинство категорий концептного словаря исследуемого творчества поддерживает развитие семантики дихотомического толка: например, развитие мотивов смерти/ не-смерти, сна/ не-сна, видимого/ не-видимого, знакомого/ не-знаемого и т.д. Однако стержневыми в этом принципе являются не столько дуальность и разделе-

ние, сколько различение и связанная с этим различением строительная динамика. Наиболее полно данный аспект раскрывается именно ввиду обращения к концепту «лицо», самые активные экспликации которого ориентированы на снятие дихотомии.

Так, семантически наиболее активным представляется тот ряд контекстуальных экспликаций, где категория «лицо» является силовым центром собирания, сгущения, притяжения всех повествуемых категорий:

[...] Да, время движется, как реки Вавилона,/ но есть в безумии его/ лицо, полюбленное легионом/ чудес, хранящих вещество,/ и каждый человек во сне неразделенном/ искал и требовал его./ — Я выхожу из времени терпенья,/ я выхожу из смертных глаз./ Ты руку протяни, спускаясь по ступеням/ в последний из миллиона раз!/ Как медленно по шлюзам долголетия/ из ослепляющего сна/ к нам жизнь спускается и, как чужая, светит./ уже не зная, где она,/ как засыпающие дети,/ невероятна и одна.../ И на руках была,/ и на воде держала,/ и говорила, как звезда./ И молодая мать слезами умывала/ лицо, которое единственно стояло,/ когда все вещи, как тяжелая

вода./ по кровле скатываясь./ падали туда [...] («Сретение»; «Дикий шиповник») [3:82];

[...] Друг мой последний и первый, невиданный, лишь напряженье./ между желаньем и ужасом, только движенье./ к гибели, гибнуть когда не желают и гибнут, ища продолженья./ в этом лице, — терпеливо оно, как растенье./ Сердце сердце, погубивших себя и влюбленных в спасенье [...] («Странное путешествие»; «Дикий шиповник») [3:76];

И мы пойдем, как заклинанье./ в кошачье зрение, в нигде./ в тень, отразившую сиянье./ в сиянье тени на воде./ душа венчает поколенья./ как сон, враждебный пробужденье./ венчает бодрствующий день, —/ и зеркальце летит над нами./ держа в волшебной амальгаме/ лица невиданного тень («Кот, бабочка, свеча»; «Дикий шиповник») [3:86];

Мне часто снится смерть и предлагает/ какую-то услугу. И когда./ не разобравшись, говорю я: нет! —/ она кивает./ Лестница двойная/ ведет ее туда, откуда свет. —/ И странно мне и пусто.../ Я думаю, что около нее/ не проклятое место, где заводит/ ребенка, и старуху, и вдовца./ а память, память./ Воздух из путей кратчайших./ падающих, как вода, —/ но вверх./ И вот, не обращаясь к ней./ я улыбаюсь./ и рука уходит/ в простую воду легкого лица (стихотворение из цикла «Дикий шиповник») [3:99];

[...] И, словно в глубине колодца./ все звезды вобрались в одну./ в одну, тяжелую от сходства./ Притягиваемую ко дну/ так быстро, что она клянется./ что выстрадает — и вернется./ как тьму, съедая глубину/ и отражая до конца/ лицо влюбленного отца («Побег блудного сына»; «Дикий шиповник») [3:79].

Наряду с представлением «лица» в качестве единицы, собирающей множество, существуют контексты, в которых эксплицируется позиционно обратная динамика, где «лицо» только коррелирует с тем, от чего зависит собиранье/ формирование целого:

[...] И, плача, видели друзья./ как спотыкаясь и скользя/ бредет мое дыханье./ в исток стыдящийся ключа./ в горячий корешок луча./ в рожок повествованья./ И я пойду, как жизнь и стих./ среди попутчиков святых./ но сторонясь и пряча/ лицо, любимое толпой./ лицо, забытое тобой./ как лишняя удача («Миньона»; «Из ранних стихов») [3:49];

На медленном зное подруга лугов/ и света подруга на медленном зное/ ле-

жит — и уходит лицо глубоко/ в повисшее зеркало передвижное./ Пространство похоже на мысли больных./ оно за последние двери ни шагу./ — Я встану, я встану с цветов луговых./ но ты Расскажи мне, куда же я лягу.../ И сердцебиенье нагнется над ней./ головокруженье поклонится в ноги./ ты лежа летишь, ты летишь на спине./ летишь, как убогий на общем пороге («Высокий луг»; «Дикий Шиповник») [3:121–122];

[...] Святая Русь, Вы говорили./ Китежский град./ где Преподобный делит хлеб с медведем./ где пасхальный Серафим/ говорит: Здравствуй, радость моя!/ и от его улыбки/ загорается звездами дневное небо./ где каторжные молятся за своих конвойных.../ Теперь, быть может, они Вас встречают, Доналд./ как же они не встретят того, кто так им поверил./ Серафим и Преподобный и те, с Колымы и Магадана./ чьи имена неизвестны и чьи лица./ как Вы говорили./ сложатся в лик Святого Духа [...] («Письмо»; «Начало книги») [3:403–404].

Как видно, концепт «лицо» может эксплицироваться и в качестве единично-собирающей категории, и в качестве множественно-собираемых категорий. Здесь можно провести параллель с семантикой глагола «упразднить», предлагаемого в качестве предмета словарной статьи в «Европейском словаре философий: Лексиконе непереводаемости». Старославянский глагол «оупразднити», эквивалентный греческому «κταρῦε ω» ([κатаргэо]) в его «патристическом» контексте явления целого частям, как раз соответствует рассматриваемой ситуации сущностного исчерпания границ:

[...] Различные греческие отцы употребляют слово «κταρῦε ω» ради обозначения перехода от частичности к целостности. Так, свт. Иоанн Златоуст, поясняя стих 1 Кор. 13:8, «упразднится знание», заверяет, что знание не будет «отменено» [...]: «Не о всецелом знании, а о части знания он говорит это, называя упразднением переход к лучшему, так что частное, по его упразднению, будет уже не частным, а совершенным. Как возраст дитяти упраздняется не уничтожением его существования, но возрастанием и переходом его в возраст совершенного мужа [...]» [...] Образ превосходства детства взрослением, заимствованный Златоустом у ап. Павла [...], любили и другие антиохийцы. Опираясь на него, преп. Макарий [...] развивает тему динамического формирования личности [...] Идея упразднения разделений просматривается и в известной теории Максима Ис-

поведника о преодолении Христом пяти извечных границ: между мужским и женским, между ойкуменой и Раем, между землей и небом, между чувственным и умоглядным, между тварным и нетварным [...] [1:543–544].

Можно сказать, что единично-собирающий тип экспликации концепта «лицо» соотносится с «упраздняющим» целым, а множественно-собираемый тип экспликации соотносим с «упраздняемой» частью; так, следующий контекст аккумулирует обе представленные валентности исследуемого концепта:

[...] Но прежде проснется, кто в доме уснул,/ услышит, что голосом сделался гул,/ и в окна посмотрит, и встретит у входа/ с лицом, говорящим: Я ум и свобода,/ я все, чего нет у тебя впереди./ Но хлеба не жалко, и ты заходи./ И долго, пока он еще исчезал,/ и знал, что упал, и стакан расплескал,/ как этого просит старик, пораженный/ худым долголетьем, как хочет влюбленный/ его расплескать, оставаясь вдвоем,/ а он не просил, и не помнил о том [...] Так долго, пока он еще исчезал,/ твердил он: Ты все, чего я не узнал,/ ты ум и свобода, ты полное зренье,/ я — обликом ставшее кровотечение./ И тут раздалось, обрывая его:/ — Я ум и свобода, но ты — торжество» (здесь и далее курсив мой) («Баллада продолжения»; «Дикий шиповник») [3:70].

Итак, первый уровень иерархической организации концепта «лицо» занимают экспликации, соотносимые с мотивом «упразднения». Ко второму уровню можно отнести семантику, возникающую в результате взаимодействия экспликаций концепта «лицо» с другими концептными и мотивными категориями поэтической книги О. Седаковой.

Например, несложно заметить, что все приведенные экспликации концепта «лицо» единично-упраздняющего типа относятся к циклу «Дикий шиповник». Этот цикл действительно является наиболее широким полем данного типа эксплицирования (хотя памятование о реализованной в нем семантике так или иначе отражается и в других циклах; см., например, «Стансы первые» из цикла «Стансы в манере Александра Попа»:

[...] Так пусть же нам покажут ночь в горах,/ огонь в астрономических садах/ и яблоню в одежде без конца/ как бы внутри несчастного лица./ Ее одежда не начнется там,/ где лепестки начнутся: по пятам/ за

ней пойдут соцветья и цветы/ в арктическую рошу высоты [...] [3:277]).

В этом смысле отношение приведенных экспликаций концепта «лицо» к циклу «Дикий шиповник» — а через него и соотношение с концептной категорией «шиповник» — представляется особенно показательным с точки зрения взаимодействия с христианским дискурсом.

Среди уже приведенных примеров обращает на себя внимание контекстуальное сотрудничество концепта «лицо» с синонимической концептной парой «вода»-«кровь»: ср.,

[...] И на руках была,/ и на воде держала,/ и говорила, как звезда./ И молодая мать слезами умывала/ лицо, которое единственно стояло,/ когда все вещи, как тяжелая вода,/ по кровле скатываясь,/ падали туда [...] [3:82],

И мы пойдем [...] в тень, отразившую сиянье,/ в сиянье тени на воде:/ [...] и зеркальце летит над нами,/ держа в волшебной амальгаме/ лица невиданного тень [3:86],

[...] рука уходит/ в простую воду легкого лица» [3:99]

и

[...] я — обликом ставшее кровотечение [...]» [3:70].

Архаически устойчивая и частотная в поэтическом метатексте О. Седаковой пара «вода»-«кровь» проявляет динамизм и витальность в качестве основных характеристик категорий повествуемого мира.

С точки зрения мотивной семантики рассматриваемые стихотворения являются примером еще одного рода дихотомии, связанного с категорией тяжести (см., «упраздняемые» категории:

[...] все вещи, как тяжелая вода,/ по кровле скатываясь,/ падали туда [...], —

и «упраздняющая» категория:

[...] в простую воду легкого лица [...]).

Также ко второму уровню организации концепта «лицо» можно отнести примеры контекстуального сотрудничества с концептом «свет»:

Где-нибудь в углу запущенной болезни/ можно наблюдать, удерживая плач,/ как кидает свет, который не исчезнет,/ золотой влюбленный мяч./ — Я люблю тебя, — я говорю. Но мимо,/ шагом при больном, задерживая дух,/ он идет с лицом неоценимым,/ напряженным, словно слух./ Я люблю тебя, как прежде, на коленях,/ я люблю

твой одинокий путь./ Он гудит внутри и он
огонь в поленьях./ Он ведет, чтобы уснуть./
А глаза подымет — светлые, не так ли?/
И, пересыпая фонари./ золотой иглой попада-
ет в ганглий/ мяч, летающий внутри
(стихотворение из цикла «Дикий шипов-
ник») [3:107];

[...] Воздух, мелких стеклышек при-
бой./ В легоньких и юрких чечевицах/ или
на картинке световой./ где выходят помо-
литься/ птица, роза и святой./ свет нам вы-
рисовывает лица./ как *звукоснимающей* иг-
лой [...] (стихотворение «Вечерняя песня»
из одноименного цикла) [3:366].

В обоих примерах по отношению к экс-
пликациям концепта «лицо» концепт «свет»
выполняет конституирующую функцию.
Важно, что концепт «свет» задает конституи-
рование в ракурсе не только зрительной, но
и аудиальной рецепции. Обратившись к тру-
ду О. Седаковой, вышедшему под названием
«Словарь трудных слов из богослужения:
Церковнославяно-русские паронимы», можно
убедиться в неслучайности такого сближе-
ния: «свѣтлый 1. славный, радостный, весе-
лый [...]; 2. громкий (о звуке, голосе): со
гласомъ свѣтлымъ вопію ти — то есть, —
громогласно взываю к тебе [...]

[2:309]. Сближение экспликаций концепта «лицо»
с экспликациями концепта «свет», последние
из которых сообщают семантику как визу-
ального, так и аудиального характера, под-
тверждается также следующими двумя кон-
текстами:

В первые времена, когда земледельцы
и скотоводы/ населяли землю и по холмам/
белые стада рассыпались./ обильные, как
воды./ и к вечеру прибывались/ к теплым бе-
регам, —/ перед *лицом народа*, который еще
не видел/ ничего подобного Медузиному
лицу./ оскорбительной./ уничтожающей
обиде./ после которой./ как камень ко дну/
идут к концу, —/ перед *лицом народа*, над
размахом пространства./ более свободного,
чем вал морской/ (ибо твердь вообще сво-
боднее: постоянство/ глубже дышит
и ровней./ и не тяготится собой) —/ итак,
в небосводе, чьи фигуры еще неизвестны./
не именованы, и потому горят, как хотят./
перед *лицом народа*/ по лестнице небесной/
над размахом пространства/ над вниманьем
холмов, которые глядят/ на нее./ на первую
звезду./ с переполненной чашей ночи/ вос-
ходящую по лестнице подвесной, —/ вдруг
он являлся./ *свет, произносящий, как голос,*
но бесконечно короче/ все те же слоги./ Не

бойся, маленький!/ Нечего бояться./ я с то-
бой» («Начало»; «Элегии») [3:386–387];

Вся красота, когда смеется небо./
и вздох земли, когда сбегает снег, —/ все
это ляжет вместе, как солома./ и отворится
благодатный хлев./ Пускай на крыше анге-
лы танцуют/ и камни драгоценные целуют/
и убегают к верхнему углу./ и с верхнего
угла бегут, сверкая./ серебряные ветки рас-
сыпая/ и посохи меняя на бегу./ И пусть все
это отойдет во мглу./ пусть отвернет сму-
щенное лицо./ [...] Но возле пастухов, обо-
ротясь./ стоит художник. Sapientia sat./ Все
исчезает, как всякий сад./ и он один стоит
в степи пустой./ Его у горла сложенные ру-
ки/ как будто держат припасенный дар —/
но в этом сомневаются глаза./ Он более,
чем мы, любим собой./ Он *говорит, как
свет глухонемой*:/— Ты, мысль моя, ты, яс-
ная Кифера./ ты, розы поднебесной приви-
денье./ ты, как припев, не впору моему/
большому мраку: подойдя к нему./ ты по-
вторяешь эти очертанья —/ так в зеркале
лицо мое встает./ и то, что там, себе его бе-
рет./ и, на себя накинув плоский образ./ то-
мится в нем, как птица под платком, —/ и,
сбросив, не нуждается ни в ком [...]
(«Портрет художника на его картине»)
[3:126–129].

В приведенных примерах к церковносла-
вянскому дискурсу восходят как экспликации
концепта «лицо» метонимического характера
(«перед лицом народа» — перед народом, «Ме-
дузиному лицу./ оскорбительной./ уничи-
жающей обиде» — Медузе/ обиде), так и само
ментально-языковое сращение семантики, свя-
занной с лексемами «лицо» и «свет»: см.,

[...] *лице* чего-либо, гебр. *лице* землі»
[...] и вот, множество (костей) на лице поля
(т.е. в поле), и вот, (они) совсем сухие [...];
пройдешь впереди перед лицом Господним
(т.е. перед Господом) [...]; (спасение), ко-
торое Ты уготовал перед лицом всех людей
(т.е. перед всеми людьми) [...]; ибо явится
сеть для всех живущих на лице всей земли
(т.е. по всей земле) [...] [2:169]

и

[...] «просветити лице» — посмотреть
на кого-л., обратить благосклонное внима-
ние: да обратит Господь лице Свое к тебе,
и да помилует тебя [...] [2:169].

В связи с реализацией дихотомии света/
не-света экспликации концепта «лицо» кон-
текстуально соотносятся с семантикой гра-
ницы жизни, сближаясь (чаще всего импли-
цитно) со значением таких синонимических
категорий, как «душа» и «тень»:

В той темноте, где иначе как чудом/
не проберешься в крутящихся стенах,/ там,
где свеча, загораясь под спудом,/ изнемогает
в камнях драгоценных, —/ многие встанут,
и многие лица/ преобразятся счастливой
тревогой:/ не обо мне ли? — но, выбрав
сновидца,/ дух возвращается прежней доро-
гой [...] («Сновидец»; «Дикий шиповник»)
[3:138];

[...] Тени всюду мне близки, но там эти
лица/ собирались и ночью и днем,/ приучая
терпеть и молиться/ или что-нибудь сде-
лать с огнем./ И от родины сердце сжималось,
как земля под полетом орла,/ и казалось
не больше земли — и казалось,/ что
уж лучше б она умерла («Деревня в детстве»;
«Вечерняя песня») [3:372–373].

Далее, в ряду устойчивых контекстуальных отношений можно назвать взаимодействие концепта «лицо» с мотивами зеркальности (зеркала) и ступенчатого восхождения/нисхождения (лестницы), как правило, аккумулярованными мотивом общей судьбы:

[...] перед лицом народа/ по лестнице
небесной/ над размахом пространства/ над
вниманьем холмов, которые глядят/ на нее,
на первую звезду,/ с переполненной чашей
ночи/ восходящую по лестнице подвеш-
ной, —/ вдруг он являлся:/ свет, произно-
сящий, как голос,/ но бесконечно короче/
все те же слоги [...] [3:386–387];

см. в стихотворении «Портрет художника на его картине» семантический ряд, указывающий на соединение горнего и дольного в событии рождения/«схождения» богочеловека

Вся красота, когда смеется небо,/ и вздох земли, когда сбегает снег, —/ все это ляжет вместе, как солома,/ и откроется благодатный хлев [...]

и семантику зеркальности

[...] — Ты, мысль моя, ты, ясная Кифера,/ ты, розы поднебесной привиденье,/ ты, как припев, не впору моему/ большому мраку: подойдя к нему,/ ты повторяешь эти очертанья —/ так в зеркале лицо мое встает,/ и то, что там, себе его берет,/ и, на себя накинув плоский образ,/ томится в нем, как птица под платком, —/ и, сбросив, не нуждается ни в ком [...] [3:126–129]);

[...] Но кто, как сердце, около отца/ к нему выходит? — и перед собою/ он падает, как зеркало кривое,/ и трогает морщины на лице:/ не я ли жил, не я ли был водою/ и сам себя отобразил в конце [...] («Возвращение блудного сына»; «Дикий шиповник») [3:68–69] и др.

Все эти примеры соотносимы с библейско-христианским дискурсом не только по параметрам сюжетобразующей аллюзивности, но и по параметрам внутренней поэтики: ср., «Божье творение можно представить как лестницу образов, которые наподобие зеркал отражают друг друга и в конечном итоге — Бога, как Первообраз. Символ лестницы (в древнерусском варианте — «лествицы») традиционен для христианской картины мира, начиная от лестницы Иакова (Быт.28.12) и до «Лествицы» Синайского игумена Иоанна, прозванного «Лествичником» [...] Божий мир — это целая система образов зеркал, выстроенных в виде лестницы, каждая ступень которой в определенной степени отражает Бога» [4:9].

Завершая рассмотрение функционирования концепта «лицо» в лирике О. Седаковой, нужно напомнить о том, что авторские интенции О. Седаковой реализуются в аспекте процессуального становления отдельной лексемы не только в рамках метатекста, но — прежде всего — в рамках отдельно взятого стихотворения. В качестве примеров такой процессуальности относительно собираемого концепта можно привести стихотворение «Путешествие волхвов» (из цикла «Дикий шиповник») и стихотворение «Стансы первые» (из цикла «Стансы в манере Александра Попа»), соответственно:

[...] или, словно *лицо* приподняв над листом,/ *вещество* открывало им весь произвол:/ ясно зрящие камни с бессмертным зрачком/ освещали подземного дерева ствол —/ чтобы каждый прочел/ о желанье своем —/ но ни тайны, ни радости не было в нем./ Было только молчанье и путь без конца./ Минералов и звезд перерытый ларец/ им наскучил давно. Как *лицо* без *лица*,/ их измучил в *лицо* им глядящий конец:/ словно в груди колец/ не нашарив кольца,/ они шли уже прочь в окруженье конца [...] [3:112–113];

[...] Так пусть же нам покажут ночь в горах,/ огонь в астрономических садах/ и яблоню в одежде без конца/ как бы внутри несчастного *лица*./ Ее одежда не начнется там,/ где лепестки начнутся: по пятам/ за ней пойдут соцветья и цветы/ в арктическую рошу высоты [...] И мы идем, глотая пыль и соль,/ как шествие, когда вошел король/ и движется по улицам своим/ к собору кафедральному. Пред ним/ опустошенье. Позади него —/ миллионом спичек чиркнув, *вещество*/ расходится на *лица* и дома,/ столбы, как их расставила чума,/ простые арки, пла-

ванье и звон.../ Но *что* он видит — знает только он./ Ни смерть, ни жизнь, ни зверь, ни человек/ и ни надежды безнадежный бег./ ни то, что мы оправданы давно./ ни то, что в глубине моей темно./ не есть желанье, ни желанья часть./ Желанье — тайна. О, желанье — пасть/ и не поднять несчастного лица./ Не так, как сын перед *лицом* отца:/ как пред болящим — внутренняя боль./ И это соль, и осолится соль [3:277].

Панорамное эксплицирование концепта «лицо» в данных примерах реализуется в связи с дихотомией видимого/ не-видимого, знакомого/ не-знаемого, а также в связи с концептно-мотивной парой «зрение»-«вещество».

Итак, самой сильной валентностью концепта «лицо» является его отношение к мотиву «упразднения». Так как наиболее частотная и семантически наиболее активная актуализация данного мотива закреплена именно за концептом «лицо», их сотрудничество является функционально маркированным относительно других контекстуальных реализаций концепта «лицо». Общую семантику эксплицирования концепта «лицо», соотносимого с мотивом «упразднения», можно охарактеризовать как смыслообразующую витальность, направленную на формирование и усложнение структуры повествуемого мира. В основе такого формирования находится принцип «множественно-единичности», широко работающий во всем поэтическом метатексте О. Седаковой, в частности, как имплицитно заданная категория мифопоэтического толка. Единично-собирающая и множественно-собираемая категория «лицо» функционально направлена на «упразднение» элемен-

тарных частей повествуемого мира в его целостности, а также на «упразднение» связанных с ними бинарных делений дихотомического свойства (сон/ не-сон; смерть/ не-смерть; знание/ не-знание и т.п.). При этом основным модусом, задающим интерпретацию категории «лицо», следует считать библейско-христианский дискурс.

Такая интерпретационная заданность исследуемого концепта подтверждается сотрудничеством с другими мотивными и концептными категориями поэтической книги О. Седаковой. Так, метатекстуальная близость с концептом «шиповник» указывает на жертвенно-эмпатический характер организации повествуемого мира. Поэтическая синергия концептов «лицо» и «свет» раскрывается как имманентная логике языкового мышления, отраженной в текстах из богослужебной практики. Сотрудничество концепта «лицо» с парными мотивами «лестницы» и «зеркала» отсылает к богословско-патристическим представлениям о картине мира.

Характерными валентностями концепта «лицо» являются следующие его взаимоотношения: с архаически устойчивой концептной парой «вода»-«кровь»; с мотивом, выражающим дихотомию света/ не-света; с мотивом, выражающим дихотомию, связанную с категорией тяжести; с концептно-мотивной парой «зрение»-«вещество».

Поэтическое становление лексемы, номинирующей исследуемый концепт, способно осуществляться как на уровне всей поэтической книги О. Седаковой, так и на уровне отдельного стихотворения.

Литература

1. Европейський словник філософій : Лексикон неперекладностей. Том перший / [укл. Б. Касцен, К. Сігов]. — К. : «Дух і літера», 2009. — 576 с.
2. Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения : Церковнославяно-русские паронимы / О. А. Седакова. — М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. — 432 с.
3. Седакова О. А. Четыре тома. Том I. Стихи / О. А. Седакова. — М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 432 с.
4. Языкова И. К. Богословие иконы / И. К. Языкова. — М. : Издательство Общедоступного Православного Университета, 1994. — 212 с.